

Он был очень общителен и очень одинок

Культура. — 1999. — 27 мая — 2 июня. К 100-летию со дня рождения Александра Дейнеки

В 1956 году (год восстаний в Венгрии, Чехословакии и беспорядков в институтах) неожиданно пришел в Институт им.В.И.Сурикова, уйдя из архитектурного, Александр Александрович Дейнека. Так как меня и Володю Васильцова после второго курса живописного факультета не брали ни в одну мастерскую (мы были участниками бунта в институте против методов преподавания), то нас записали во вновь возникшую монументальную мастерскую Дейнеки.

Александр Александрович энергично открыл дверь, резко вошел и сразу же попросил все убрать в ма-

стерской: грязные драпировки, все "живописные" самовары, кувшины, сухие баранки и другую утварь.

Одна из первых постановок была для нас неожиданна — загорелая обнаженная модель на фоне серо-холодной стены (звали ее Рая, и от нее отказались все профессора из-за ее "загорелости", так как ценится женская модель перламутрово-неопределенного цвета). Для нас это было непостижимо. Написать обычными красками это было невозможно. И так каждый раз от постановки к постановке — все новые и совершенно новые задачи.

Так же неожиданны были бесе-

ды по поводу тематических композиций. Он сразу отметал "чужие" темы для данного человека. Александр Александрович точно угадывал характер и индивидуальность человека. Если студент брал спортивную тему, он тут же ее отметал, зная, что тот даже зарядку утром не делает, то есть он приучал молодого художника к работе только над тем, что близко и дорого, и никакой экзотики и фальши.

Александр Александрович учил не столько изобразительному искусству, а более самому образу жизни и организованности в искусстве.

Мы с Володей Васильцовым предложили ему пригласить вести технику материала монументальной живописи Бориса Петровича Чернышева, художника из круга Л.А.Бруни и В.А.Фаворского, человека-антипода А.А.Дейнеки.

Борис Петрович — очень талантливый художник, совершенно забывающий во время работы о житейских трудностях, не приспособленный к борьбе с художественными чиновниками. Во время работы для него не существовало заботы об удобствах, обстановке, еде. Голыми руками месил на цемент или известковый замес, ну и, естественно, вокруг него был хаос из смальты, цемента, металла, мастерков. Талантливый, самобытный художник, тонкий колорист, живший романтическими образами, "не от мира сего", он смог удержаться рядом с Александром Александровичем пять лет.

О культуре материала в институте не говорилось никогда. Дейнека обращал наше внимание на то, что большие холсты надо писать маленькой кисточкой, а маленькие — большой. Мы — студенты — постепенно отходили от так называемой

"фузы", то есть живописной каши из всех цветов, как любил учить, например, Цыплаков, чья личная интуитивная "фузистая" живопись на небольших холстах была очень красивая, но учить этому невозможно, как невозможно учиться технике Коровина.

Общение с такой яркой личностью, как Дейнека, хотя и не очень длительное (три курса и один дипломный год), произвело на нас с Володей неизгладимое впечатление. Он вошел в нашу жизнь в самое рождение молодого художника. И даже не вошел, а влетел, как метеор. Серый, грязный коридор института, профессора в замусоленных пиджаках, постановки с самоварами, баранками, тряпками и стариками — все живописно, как на помойке, мы сами, студенты в испачканных красками одеждах, вяло работаем на чем попало (картонках, старых записанных холстах), как будто масляную живопись можно грузить и грузить. Живопись чернеет, скребем мастихинами, снова не пишем — мусолим, и настроение подавленное (ничего не получается). И вдруг ровно в 10 часов утра 1 октября 1956 года распахивается дверь, и врывается, а не входит крепкий, широкоплечий, чисто выбритый, в прекрасном костюме и белой сорочке Александр Александрович Дейнека. Несмотря на внушительную фигуру, внешнею грубость и физическую силу, Александр Александрович был невероятно чувствителен и раним. Личная жизнь его не удалась, по этому поводу он любил подшучивать. Он удивительно чувствовал, именно чувствовал, человека, точно определял его характер и жизненную направленность, очень не любил посредственность и

глупость, поэтому резко относился к плохим, бесперспективным студентам. Обо мне говорил, что я хороший художник, но с плохим характером (я думала — как раз наоборот). После каждого семестрового просмотра приглашал всех, в том числе обязательно натурщиц, в ресторан или несколько раз весной на дачу в Подрезково, где сам готовил стол и где вся обстановка раскрывала более откровенно его тонкую, интимную сторону жизни и творчества. На даче висели живописные холсты, которые он никогда не выставлял. Очень любил цветы и яблони и сам за ними ухаживал и выращивал. В то время рядом с небольшим домиком он строил высокую, с большими окнами мастерскую — "курень", как говорил его строитель. Его привязанность и теплота отношения к Володе Васильцову и к Ивану Шацкому остались и после защиты диплома и окончания института. Он их пригласил на очередное проектирование Дворца Советов в 1960 году.

Александр Александрович заставил нас покончить с бездумной живописью от "живота". Отношение к масляной живописи, как к фреске, где любое касание кисти должно звучать и передавать трепет души художника, — это самое трудное и сложное, в этом заключалось мастерство художника, его творческая индивидуальность. Дейнека с первых же дней занятий разговаривал с нами не как со студентами, а как с коллегами, требовал, чтобы на любой стадии работы, даже в начале, это было уже произведением искусства.

Общение с этим мастером не ограничивалось изучением тайн технологии и приемов, но прежде всего это любовь к искусству живопи-

си, к жизненной самоорганизованности художника, любовь к сдержанной цветовой гамме, естественному восприятию цвета, традиционному фресковому восприятию спокойствия и умиротворенности.

Когда пишешь с натуры, она тебя так подчиняет, что забываешь о форме, пластических задачах и цветовой гамме. Это совершенно необходимый этап в творчестве — но основная работа потом без натуры, когда абстрагируешься от ее плана.

Чтобы передать на холсте, бумаге или в мозаике то, что чувствуешь и замыслил, необходимо в совершенстве или близко к совершенству овладеть техникой материала, и тогда рука сама сделает то, что задумал, и даже то, что само выразилось в форме. В этом заключаются мастерство художника и его удачи или неудачи. Этому учил Дейнека.

Наше "бунтарское" поведение на первых курсах не было забыто. Это дало о себе знать во время защиты диплома. Володю Васильцова Александр Александрович отстоял, и, несмотря на обвинения в "плакатности", ему поставили "отлично" и взяли на академическую выставку, правда, стипендию академическую не дали. Меня он, наверное, не очень сильно отстаивал, поставили за диплом "тройку". Такая сильная и яркая личность, как Дейнека, тоже не выдержала натиска чиновников, и через четыре года после нашего выпуска он ушел из института.

Внешне спокойный и неприступный, он не выдерживал никакой фальши и предательства. Сколько раз он закрывал дверь мастерской перед ученым советом, предчувствуя возможные провокации. Сам страдающий от несправедливости и враждебного отношения чиновни-

ков разных рангов, он очень чутко и даже нежно относился к нам, студентам. Так, будучи на практике в Ленинграде в мозаичной мастерской, мы обмолвились, что нам задержали стипендию. Александр Александрович, не говоря ни слова, вытащил из кармана 600 рублей (в то время это были большие деньги) и отдал нам, извинившись, что больше нет.

А однажды, задержавшись до вечера в институте, он решил довести нас с Володей до дому, куда жил на улице Горького, а мы — на Мосфильмовской. В конце пятого курса мы (я и Володя) были приглашены участвовать в росписи павильона международной выставки в Лондоне. И естественно, в течение двух месяцев мы почти не показывались в институте. Наконец я поехала в торговую палату получать деньги. В кассу стояла небольшая очередь, человек пять, и вдруг прямо за мной встал Александр Александрович. Я испугалась. Но Александр Александрович похлопал по плечу, сказав, что зарабатывать тоже необходимо, — так гроза прошла мимо.

В это же время Иван Шацкий никак не мог доделать дипломную работу. Он взял тему "Советские моряки в Индии" (за год до этого он от института ходил в Индию на военном корабле). Дейнека несколько раз к нему заходил, что-то говорил, но работа не подвигалась. Остаток

меньше двух недель до защиты. Очередной раз он зашел посмотреть, но холст был вялый, рисунок плохой, и никакого колорита. Когда за Дейнекой закрылась дверь в зал, через пять минут вышел Иван, сказав, что пошел в магазин за коньяком и лимоном. Нам стало интересно. Александр Александрович работал часа четыре, не выходя из зала, переписал все и не велел исправлять. Ивану поставили "отлично", работу нельзя было узнать — это было жизненное, вдохновенное искусство.

Про Александра Александровича Дейнеку нельзя сказать, что он был идеальным учителем. Он был очень непростой, непредсказуемый. Сегодня он мог говорить одно, завтра — совершенно противоположное. Мог прийти в хорошем расположении духа, но тут же, наткнувшись около двери на мольберт, — развернуться и уйти, хлопнув дверью. И, наоборот, приехав в институт после домашних неприятностей и поговорив с нами, молодцы, непосредственными и не обтертыми еще жизнью, уезжал в хорошем настроении. С одной стороны, он был одинок, с другой — очень общителен, легко и быстро находил общий язык с нами, людьми намного моложе его, представителями другого поколения.

Элеонора ЖАРЕНОВА

ПЕРСОНАЛИИ

ЖАРЕНОВА Элеонора Александровна — профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств России, училась в 1956 — 1960 гг. в монументальной мастерской А.А.Дейнеки в Московском государственном художественном институте им.В.И.Сурикова при Академии художеств, работает в области монументального искусства, станковой живописи, графики и книжной иллюстрации, преподает в Академии печати.